

Ю.Я. Вин

ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ (XIII—XV вв.)

Обращение к теме поздневизантийской сельской общины продиктовано слабой изученностью роли этого института в формировании особенностей феодализма в Византии XIII—XV вв. В источниках этого периода нет упоминаний о сельской общине и развернутых описаний общинных распорядков, засвидетельствованных в памятниках предшествующих эпох. Существование общины в поздневизантийской деревне до сих пор подвергается сомнению как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

Для большинства исследователей судьба византийской сельской общины связана с возможностью сохранения свободного крестьянства. У отечественных византинистов нет однозначного ответа на поставленный вопрос. Типологической чертой византийского феодализма считается длительное сохранение сельской общины. Она выступала деятельным и сплоченным коллективом¹, естественно сложившимся социальным институтом, призванным регулировать производственные отношения его членов². Признание специалистов получил и дуализм сельской общины³, и ее "возрождение" в Византии VII—VIII вв.⁴ Находят также признания факты возникновения

¹ Сюзюмов М.Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // ВО. 1961. С. 41—42; Удальцова З.В. Византия и Западная Европа: (типологические наблюдения) // ВО 1977. С. 8, 21; Она же. Некоторые особенности феодализма в Византии // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert. Pr., 1978. S. 13; Eadem. Die Besonderheiten des Feudalismus in Byzanz // Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung. В., 1983. S. 24—25; Удальцова З.В., Осипова К.А. Типологические особенности феодализма в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974. Вып. 1. С. 19—20; Они же. Отличительные черты феодальных отношений в Византии: (постановка проблемы) // ВВ. 1974. Т. 36. С. 14—15; Eadem. Traits distinctifs de rapports féodaux de Byzance // Βυζαντικά. Θεσσαλονίκη, 1978. Т. 7. P. 28, 30; Они же. Формирование феодального крестьянства в Византии (VII—XI вв.) // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I. С. 401, 407; Удальцова З.В., Хвостова К.В. Социальные и экономические структуры в поздней Византии // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983. С. 97; Eadem. Les structures sociales et économiques dans la Basse-Byzance // JÖB. 1981. Bd. 31,1. P. 133; Котельникова Л.А. Крестьянская община // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. 1986. Т. 2. С. 488.

² Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 8

³ Там же. С. 11.

⁴ Алаев Л.Б. Проблема сельской общины в классовых обществах: (историография вопроса) // XIV сессия межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез докл. и сообщ. М., 1972. Вып. II. С. 171—172; Бромлей Ю.В., Королук В.Д., Литаврин Г.Г. Становление крестьянства в южнославянских и западнославянских странах (до конца XII вв.) // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I. С. 357.

начиная с X в. зависимых сельских общин⁵. Стабильность общинных отношений париков обычно рассматривается как результат единовременного подчинения целого селения одному господину⁶. Г.Г. Литаврин выдвигает положение, согласно которому сельская община не только разлагалась, но и генерировала. Ученый указывает на тенденцию к консолидации жителей деревень в общины⁷. Тем не менее, в современной отечественной науке утвердилось мнение о том, что укрепление феодальных отношений в византийской деревне IX—XII вв. за счет экспроприации непосредственных производителей обусловило их отрыв от общины и, в конечном итоге, ее упадок и бесповоротное разрушение⁸. Также и в современной зарубежной византистике преобладают представления о несовместимости общинного уклада с парикийей⁹. Ее распространение, обусловленное ростом крупного землевладения, исключало общинное устройство деревни¹⁰. Наиболее отчетливое и законченное выражение эта мысль получила в концепции "замещения" общины поместьем¹¹.

⁵Удальцова З.В., Осипова К.А. Типологические особенности... С. 20; Они же. Отличительные черты... С. 15; Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму Л, 1984. С. 39.

⁶Осипова К.А. Аграрные отношения в Византии во второй половине IX—X в. // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 127, 128; Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 92.

⁷Там же. С. 21, 40—41.

⁸Осипова К.А. Развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьянства в Византии X в. // ВВ. 1956. Т. 10. С. 72; Она же. Аграрные отношения... С. 128—129; Она же. К проблеме присельничества в Византии (X—XII вв.) // ВО. 1977. С. 66—67; Она же. Особенности формирования феодальной зависимости византийского крестьянства // Beiträge zur byzantinischen Geschichte. S. 71 u.a.; Удальцова З.В. Византия и Западная Европа... С. 18; Она же. Некоторые особенности... С. 12—13; Удальцова З.В., Осипова К.А. Типологические особенности... С. 21; Они же. Отличительные черты... С. 19; Eaedem. Traits distinctifs... P. 36; Они же. Формирование... С. 414; Удальцова З.В., Хвостова К.В. Социальные и экономические структуры... С. 99, 100; Eaedem. Les structures... P. 135; Хвостова К.В. Византийское крестьянство в XII—XV вв. // История крестьянства в Европе. Т. 2. С. 224—225.

⁹Усиление консервативных взглядов на общину и даже ее замалчивание объясняется воздействием на научные позиции зарубежных византистов фискальной теории. См.: Каждан А.П. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1960) // ВВ. 1963. Т. 22. С. 128 и далее. Ее сторонники пренебрегали экономической сутью и преувеличивали податное значение общины. Это понятие прилагалось большинством западных специалистов только к свободному крестьянству. См.: Вин Ю.Я. Поздневизантийская сельская община в освещении современной западной историографии // Критика концепций современной буржуазной историографии: Отечественная и зарубежная история. Л., 1987. С. 195.

¹⁰Указанная позиция достаточно ясно отображена, например, в трудах С.Вриониса и А.Дюселье. См.: Vryonis Sp. The Decline of the Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971. P. 77—78; Ducellier A. Les Byzantins: Histoire et culture. P., 1988. P. 139—140, 144—145. Впрочем, А.Дюселье допускает, что села париков примерно до середины XIV в. сохраняли социальную структуру и уровень древних хорионов. См.: Ibid. P. 163—164. Однако ученый воздерживается от отождествления парических сел с общинами.

¹¹См.: Вин Ю.Я. Поздневизантийская сельская община... С. 195. Ж.Лефор придерживается изложенной концепции, проследивая, в частности, историю хориона Радوليو. Его жители составляли общину, на территории которой в конце XI — начале XII в. существовал также проастиий. См.: Lefort G. Le cadastre de Radolibos (1103) // ТМ. 1981. Vol. 8. P. 272. Когда налоги, взываемые с общинников, были пожалованы владетелям проастиия, история общины, по словам Ж.Лефора, слилась с историей проастиия; "община, может быть, не исчезла", но возможность ее сохранения ставится под сомнение ввиду отсутствия упоминаний. См.: Ibid. P. 273. На этом основании Ж.Лефор приходит к заключению о развитии "поместной системы налогообложения" и прогрессирующем с XI в. "замещении" сельских общин поместьями. См.: Ibid. P. 275.

Словом, проблема поздневизантийской сельской общины остается неразрешенной. Однако перспективы ее исследования очевидны. Они кроются в обобщении новейших достижений византистики и анализе деревенских обычаев и традиций. Именно о них пойдет речь.

Прежде всего, необходимо поставить вопрос о демографической структуре крестьянского населения и большесемейной общине, иначе говоря — вопрос о демографических предпосылках сохранения общинных связей и традиций¹². Нельзя не признать — демографические показатели сельского населения свидетельствуют о тенденции к сокращению численности малой индивидуальной семьи и других негативных явлениях. Некоторые западные специалисты, выдвигая предположение о недостаточном уровне рождаемости и прекращении прироста населения, склоняются к оценке демографической ситуации в Византии первой половины XIV в. как демографической "депрессии" или упадка¹³.

Эту проблему можно рассмотреть с более широких позиций. К указанному времени угроза турецкого нашествия стала долговременно действующим фактором и непосредственно отражалась на демографии сельского населения Малой Азии¹⁴. Иная обстановка сложилась на Балканском полуострове. В сельских местностях Македонии примерно с конца X до середины XIV в. наблюдается, согласно современным научным данным, демографический подъем¹⁵. И только с 1340-х годов, когда в Южной Македонии и Фракии развернулось вторжение турок, а вслед за ним разразилась эпидемия чумы, демографические изменения приобрели необратимую силу¹⁶.

¹²Применение количественных методов исследования способствовало изучению естественного движения населения, структуры крестьянской семьи, изменений численности и состава ряда отдельных сел, миграций земельного населения, а также их обусловивших социально-экономических и политических факторов. См.: *Jacoby D. Phénomènes de demographie rurale à Byzance aux XIIIe, XIVe et XVe siècles // Etudes rurales. P., 1962. N 5/6. P. 161—186; Кондов Н.К. За първичната обществена единица при селското население в средновековна България // ИП. 1965. Т. 21, № 1. С. 70—83; *Idem. demographische Notizen die Landbevölkerung aus dem Gebiet des Unteren Strymon in der ersten Hälfte des XIV. Jahrhunderts // EB. 1965. N 2/3. S.261—272; Idem. Das Dorf Gradec // EB. 1971. N 3. S. 37—41; Antoniadis-Bibicou H. Villages désertées en Grèce // Villages désertés et l'histoire économique, XIe—XVIIe siècles. P., 1965. P. 343—417; Laiou-Thomadakis A.E. Peasant Society in the Late Byzantine Empire. Princeton, 1977. Passim; Karlin-Hayer P. Preparing the Data from Mount Athos for Use with Modern Demographic Techniques // Byz. 1978. Vol. 48. P. 501—518; *Eadem. Les catalanas et les villages de la Chalcidique // Byz. 1982. Vol. 52. P. 244—263.***

¹³*Kondov N.K. Demographische Notizen... S. 269; Laiou-Thomadakis A.E. Peasant Society... P. 223; Antoniadis-Bibicou H. Villages désertées... P. 343—408; Антониадис-Бибику Э., Гийу А. Византийская и поствизантийская сельская община // ВВ. 1988. Т. 49. С. 24.*

¹⁴См.: *Vryonis Sp. The Decline... P. 254—255.* Наиболее заметный урон претерпевало сельское население. См.: *Idem. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 57. Cp.: Idem. The Decline... P. 146 sq.* Многолетняя дестабилизация жизненного уклада крестьян в пограничных с кочевниками районах, по-видимому, вела к диспропорции основных показателей демографической структуры сельского населения. Cp.: *Bryer A. Greek and Türkmens: The Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 139; Idem. Rural Society in the Empire of Trebizond // АП. 1966—1967. Т. 28. P. 159.*

¹⁵Антониадис-Бибику Э., Гийу А. Византийская и поствизантийская сельская община... С. 24; *Bellier P. et al. Paysages de Macédoine. P., 1986. P. 104; Lefort J. Radolibos... P. 201 etc., 207, 218, 231, 234.*

¹⁶Не случайно Алексей Макремволит в своем "Разговоре богатых и бедных" отмечает, что в его время (в 1340-е годы) бедных и пленных стало гораздо больше (См.: *Makremb. Dialogue. P. 213. 31—32*), а простому люду угрожала голодная смерть. См.: *Ibid. P. 204. 23—24.* Эпидемия чумы охватила как города, так и сельские местности. См.: *Greg. II. P. 797.22; Makremb. Sofia. 20—22.* Больные селяне — жертвы эпидемии — таков сюжет одной из миниатюр греческой рукописи 1362 г. (Париж. Нац. Библио-ка. Грцс, гр. 135). См.: *The Greek World: Classic, Byzantine and Modern / Ed. by R.Browning. L., 1985. P. 222—223. Pl. 13.*

И все же естественные предпосылки сохранения общинных связей и традиций продолжали существовать. Их жизненная стойкость опосредована в основных демографических характеристиках, которые раскрывают очевидное превосходство показателей хорионов с естественно сформировавшимся населением и искони существующей общинной традицией над прочими населенными пунктами — метохами, агридиями и т.п. В хорионах средняя величина коэффициента пола (КП) равнялась 110, 23; доля молодежи — 43 %; коэффициент очага (КО) 3,57. Соответствующие показатели населения феодальных усадеб явным сбразом уступали: КП — 163; доля молодежи — 37%; КО — 3,05¹⁷. Важнейшей предпосылкой общинных отношений являлась устойчивость семейных и родственных уз крестьянства, сохранение патронимий и большесемейных общин. На Балканах их значительная часть была славяно-влашского происхождения¹⁸. Пережитки подобных семейно-родственных групп прослеживается также в Малой Азии, в особенности по актам Вазелонского монастыря. Они показывают, что среди жителей долины Пиксита, судя по всему, укоренились множественные семейно-родственные образования. В документах второй половины XIII — первой половины XIV в., да и более поздних столетий, неоднократно упоминаются представители семейно-родственных групп Хамури-Канзики, Кутрупели-Дуверити, Романо-пулов, Полити, Хапса и других. Итак, с демографической точки зрения, поздневизантийской деревне, по крайней мере селам юго-западного побережья Малой Азии в XIII в., а южномакедонским и, отчасти, понтийским селам — до второй половины XIV в., присущи все предпосылки для поддержания общинных взаимосвязей и традиций.

Предпосылки сохранения общины без труда обнаруживаются и в сфере производительных сил поздневизантийской деревни. Сдвиги, наблюдаемые как в сельском хозяйстве рассматриваемых столетий, так и в ремесле, обусловлены возрастанием роли феодальной вотчины с ее высоким экономическим потенциалом. А крестьяне в каждодневной борьбе за существование опирались на идущие издревле агротехнические приемы и общинные обычаи. Полевые работы и уход за животными совершались при активном участии в них всех членов крестьянских семей. В этом убеждают миниатюры греческих рукописей. Так, миниатюра рукописи 1362 г. (Париж. Нац. библ.-ка. Рпсь, гр. 135) воспроизводит сцену жатвы — женщина действует серпом наравне с мужчиной¹⁹. А на одной из миниатур, сопровождающих текст фольклорно-поэтического календаря поздневизантийского времени в рукописи 1461 г. (Константинополь. Серальская библ.-ка. Рпсь, гр. 35), муж изображен срезающим колосья, тогда как жена, судя по всему, — вяжущей снопы²⁰. Сцены стрижки овцы мужчиной и доения коровы его женой изображены на другой миниатюре рукописи 1362 г. (Париж. Нац. библ.-ка. Рпсь, гр. 135)²¹. Посильную помощь взрослым оказывали дети. Миниатюра рукописи XV в. (Париж. Нац. библ.-ка. Рпсь, гр. 2736) представляет детей, которые опугивают в саду птиц,

¹⁷Подсчеты производились по материалам практиков конца XIII — первой четверти XIV в. Лавры Афанасия и Эсфигменского монастыря. См.: *Lavra II*. № 91, № 104, № 105, № 109, № 112, *Esph.* № 3, № 14.

¹⁸См.: *Вин Ю.Я.* К вопросу об этнодемографической структуре сельской общины в Южной Македонии // *Демографические процессы на Балканах в средние века*. Калинин, 1984. С. 65—84.

¹⁹См.: *The Greek World...* P. 222—223. Pl. 13.

²⁰См.: *Eideneier H.* Ein byzantinisches Kalendargedicht in der Volksprache // *Ελληνικά*. 1979. Т. 31, № 2. S. 401.

²¹См.: *The Greek World...* P. 222—223. Pl. 15.

слетевшихся туда лакомиться созревшими плодами²². Очевидно, дети также помогали взрослым собирать с плодовых деревьев урожай²³.

Заметную роль среди односельчан играла простейшая производственная кооперация. Вероятно, родственники и совладельцы земельных участков производили отдельные агротехнические операции совместно. Скажем, иерей Михаил Ники имел общий посев с одним из братьев Лабонов²⁴. В XIII–XIV вв. многие рядовые крестьяне молотили зерно на общем гумне. Так, общее гумно принадлежало жителям проастия Сфурно²⁵. Деревенское гумно, как правило, располагалось среди пашенных участков земли, которые его окружали²⁶. Оно делилось между жителями села на доли-"лорины", которые могли находиться в совместном владении²⁷. В поздневизантийской деревне сохранялся также коллективный выпас скота, даже после отчуждения общинных пастбищ крупными земельными собственниками²⁸. Равно и в сельском ремесле и промыслах видны следы производственной кооперации, жидившейся подчас на долевом совладении. Сельское ремесло опиралось на преемственность обладателей определенных ремесленных навыков. Благодаря тому ремесленники той или иной специальности сосредотачивались в отдельном селении или поместье, которое подчиняло собственным нуждам их взаимосвязи и традиции²⁹.

В свете изучаемой проблемы нельзя обойти вниманием сельское поселение, в первую очередь, хорион — место проживания и трудовой деятельности большей части земледельческого населения поздней Византии. Крупные села имели административное значение. Преобладали селения разбросанного типа со сложной структурой, предопределенной орографией и размещением территориально-хозяйственных комплексов. Деление территории хориона на части — топотесии и стаσι — обуславливались расположением крестьянских хозяйств. Кроме них, там существовали хозяйственные комплексы крупных землевладельцев — усадьбы-"катедры", зевгилатии, метохи и т.п.³⁰

Говоря о поздневизантийском хорионе, не следует забывать о концепции "запустения сел" как одном из элементов хорошо известной теории "кризиса феодализма"³¹. Кульминацией процесса появления заброшенных селений, так называемых "палеохорионов", стал XIV в. Их возникновение в большой мере объясняется перераспределением производительных сил на территории хориона, вызванным естественным ростом численности и хозяйственной

²²См. *Guillou A. La civilisation byzantine*. P., 1974. P. 73.

²³*Laiou-Thomadakis A.E. Peasant Society...* P. 61. "Αυτη. Ἡ Γυναίκα στὴ βυζαντινὴ κοινωνία // 'Εποταμολογικὴ Σκέψη'. Αθήναι, 1971. Τ. I, τ. 4. Σ. 30.

²⁴См.: ММ. VI. 154.

²⁵См.: ММ. IV. 42—43.

²⁶Ср.: ВА. № 38.20; № 43.9; № 57.16; № 69.1—3; № 70.10—14; № 100.13—14, 25.

²⁷Ср.: ВА. № 13.5—6; ВА. № 81.1—5.

²⁸См.: ММ. IV. 178—181.

²⁹См.: *Вин Ю.Я. Сельское ремесло и промыслы в поздней Византии (XIII—XV вв.)* // ВВ. 1987. Т. 47. С. 84—94.

³⁰*Он же. Социально-экономическое содержание термина καθέδρα византийских документов* // ВВ. 1983. Т. 44. С. 202—211; *Коледаров П. Към въпроса за развитието на селищната мрежа и на нейните елементи в средищната и източната част на Балканите от VII до XVIII в.* // ИИИ. 1967. Т. 18. С. 134—135.

³¹См.: *Antoniadis-Bibicou H. Villages désertées...* P. 343—417. О критике указанной теории см.: *Бес-смертный Ю.Л. Демографические и социальные процессы во французской деревне XIV в.* // Французский ежегодник, 1981. 1983. С. 131 и далее.

активностью крестьянства. Освоение залежных земель силами сплоченных между собой членов крестьянских хозяйств лежало в основе развития как феодального поместья, так и собственно сельского поселения. Примером служит история проастия Сфурно, основу экономического процветания которого составляла совокупность крестьянских хозяйств, обеспечивавших стабильность существования созданного крестьянами поселка³². Таким образом, самая природа села была опосредована жизнестойкостью общины.

Безусловно краеугольным камнем доказательства сохранения сельской общины в поздней Византии служит анализ поземельных отношений. Их главным узлом, как и ранее, оставалось крестьянское хозяйство. На протяжении веков оно формировалось путем освоения целинных и залежных земель на территории села. Внедрение туда феодальной собственности нарушало естественный характер поземельных отношений односельчан. Владения представителей господствующего класса, границы феодальных поместий разрушали целостность села и единство поселка с окружающей его территорией³³.

Феодальная экспансия, достигшая своей наивысшей точки в XIII–XIV вв., вела к отторжению у крестьян большей части угодий. Сохранение фонда угодий в совместном пользовании обусловлено потребностями крестьян в коллективном выпасе скота. Наиболее выразительно эта давняя традиция проявилась в борьбе жителей хориона Мурмунты за их пастбище после раздела территории села между двумя крупными собственниками — Михаилом Враном и Лемвиотисским монастырем³⁴. Присвоение крупными собственниками угодий обострило борьбу за них между крестьянами и мелкими вотчинниками. Стали обычными разделы земельных имуществ между родственниками и совладельцами. Наряду с наследованием родовых земель-гониконов поздневизантийская деревня знала и другие формы движения мелкой земельной собственности: куплю-продажу, обмен и дарение. Они сопровождались углублением чересполосицы, что само по себе способствовало поддержанию общинных традиций и в то же время облегчало подъем феодального землевладения³⁵.

Укрепление феодальных отношений вело к преобразованию экономического уклада крестьянского хозяйства — превращению мелкого собственника в зависимого держателя земли и формированию зависимого крестьянского держания³⁶. Тем не менее, в поздневизантийской деревне общинные обычаи регулирования поземельных отношений сохраняли свою силу.

Важнейшей общинной традицией оставался протимисис — право предпочтения на приобретение отчуждаемых недвижимостей. В поздней Византии протимисис, воплотивший в себе авторитет официального законодательства, облегчал феодальным собственникам наступление на крестьянские земли и способствовал закабалению общины. Но несомненно, протимисис сохранял

³²См. ММ IV. 32—34. Также см.: *Charanis P.* The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire // DOP. 1948. Vol. 4. P. 107—108; *Idem.* On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later // BS. 1951. T. XII. P. 98—99, 115.

³³Ср.: *Lavra II.* № 90. 17—18, 148—152, 164—165; 180—181, 213—216; № 108. 124—125, 341—343, 747—748; *Chil. II.* N 37; ММ II. 217.

³⁴См.: ММ IV. 178—181, 273—284. Также см.: *Dölger F.* Regesten IV. N 2114—2116, 2123.

³⁵О роли чересполосицы в жизни средневековой деревни см.: *Серовайский Я.Д., Канышин Ю.Н.* О природе чересполосного землевладения в средние века // СВ. 1990. Вып. 53. С. 87—109.

³⁶См.: *Хвостова К.В.* Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968 С. 226—227

функции регулирования поземельных отношений крестьянства. Наряду с ним, были живы и другие общинные традиции, в частности право близости, т.е. пользование земельными участками соседей — пережитка древнего общинного правопорядка³⁷.

Во многих поздневизантийских сельских традициях нельзя не увидеть ясные отголоски долевого землевладения, когда для каждого общинного хозяйства устанавливалась определенная доля во владении пашнями и угодьями³⁸. Подтверждением существования в поздней Византии долевого землевладения служат семейные разделы, протимисис, право родителей распоряжаться невыделенными долями своих детей, равно и выделение из семейных имуществ этих долей — так называемых "ипостасей" и непосредственные упоминания о "долях" во владении имуществами. Долевое землевладение особенно ярко было выражено на Понте и в Южной Македонии — там, где сохранялись патронимии или их отдельные части и большесемейные общины. Концепция долевого землевладения позволяет объяснить, в частности, сведения практика 1316 г. Ивирского монастыря о хорионе Овила. Его территория была занята патронимией славянского происхождения. Обособление в ней малых индивидуальных семей происходило, судя по всему, согласно принципам долевого землевладения³⁹.

В целом же на протяжении XIII—XV вв. наблюдается непрерывно нарастающий процесс массовых отчуждений наделов крестьян представителями господствующего класса. Наиболее чувствительную потерю для общинного землевладения в поздней Византии составляли выморочные земли, которые служили одним из источников расширения феодального домена. Однако ни один факт укрепления феодальных отношений в поздневизантийском селе, как мы видели, не препятствует признанию действительности и социальной значимости традиционных норм землепользования.

Имущественное расслоение крестьянства выражалось прежде всего в разнице обеспеченности землей, скотом, сельскохозяйственным инвентарем, а также возможностей денежных накоплений⁴⁰. Важнейшим фактором имущественного благосостояния крестьянства оказывалось сохранение родственных связей и большесемейной общины. Стремление крестьян избежать раскладки налогов на отдельные малые индивидуальные семьи, входившие в большесемейные общины, вероятно, содействовало их сплочению⁴¹. Нераздельность хозяйствования входивших в их состав малых индивидуальных семей создавала благоприятный экономический эффект⁴². В условиях обеднения крестьян удовлетворение их производственных потребностей было тесно связано с экономической кооперацией их хозяйств, совладением земель и инвентарем.

³⁷Подробнее см.: Вин Ю.Я. Право предпочтения в поздневизантийской деревне // ВВ. 1984. Т. 45. С. 218—229.

³⁸О долевым землевладении см.: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1989. Т. 2. С. 200, 314—315, 340, 379, 580 и далее; Полевой Л.Л. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев, 1985. С. 47 и далее; Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 102—111. Там же см. основную литературу.

³⁹См.: Iber. RK. 254—259, 274—278, 282—288, 289—293.

⁴⁰О закономерностях социально-экономического расслоения крестьян см.: Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., С. 68 и след.

⁴¹Ср.: Котельникова Л.А. Крестьянская община... С. 478.

⁴²См.: Laiou-Thomadakis A.E. Peasant Society... P. 200.

Положение крестьянства в поздней Византии в большой степени предопределялось сохранением публичноправовой регламентации и развитой системы налогообложения с очевидной тенденцией к натурализации⁴³. Недаром Георгий Гемист Плифон выступал за введение единого натурального прогрессивного налога⁴⁴. Обложение сельского населения сочетало в себе принципы индивидуальной и коллективной податной ответственности односельчан. Знаменателен коллективный характер большинства государственных платежей и повинностей. В их ряду особое место занимали сторожевая и воинская службы⁴⁵. Господство феодальных отношений не уничтожило ни круговой поруки, ни коллективной податной ответственности крестьянства перед государством. Характер круговой поруки раскрывает решение жителей села Дрианувена уплатить налог, начисленный на стасть Архонтицы, которая была отведена для организации монастыря, распределив подать между собой "по силам каждого"⁴⁶. А сохранение коллективной податной ответственности крестьянства подтверждает обязанность париков метоха Св. Николая в хорионе Комитисса вносить три иперпира за отсутствующих односельчан⁴⁷. Среди членов патронимий и выделявшихся из них малых индивидуальных семей, которые вели общее хозяйство, заметное распространение получает совместная уплата податей. Усиление феодальной эксплуатации благоприятствовало зарождению коллективной податной ответственности крестьянства частноправового характера. На это косвенно указывает коллективная задолженность жителей Вари перед Лембиотисским монастырем⁴⁸. Итак, общинные связи служили предпосылкой стабильной экономическому положению крестьянства, а коллективные формы его эксплуатации способствовали консервации общинных взаимоотношений.

Ключевое место в решении проблемы целостности общины в поздней Византии занимает вопрос о социальной структуре сельского населения⁴⁹. Неоднократно предпринимались попытки доказать сохранение в этот период свободного крестьянства. Несомненно, в поздневизантийской деревне проживали социально разнородные группы населения и основная масса крестьянства находилась в парической зависимости. Наряду с тем, сформировалась прослойка земельных собственников, занимавших промежуточное положение между крестьянской массой и мелкофеодальными вотчинниками. Представителей этой прослойки помимо высоких показателей экономического благосостояния отличали уплата налогов непосредственно государству и свобода передвижения, использование в своих хозяйствах труда обедневших односельчан, а также отсутствие сословных привилегий⁵⁰.

⁴³См.: Хвостова К.В. Особенности. . С. 255; Henty M.F. Studies in the Byzantine Monetary Economy: с. 300—1450. Cambridge, 1985. P. 237, 298.

⁴⁴См.: PG. 160. 829A, 852D—853AB, 861C.

⁴⁵См. Schatz. N 45/6—I.15—16; II.13—15, 18—19; MM. V. 280. Также см.: *Oikonomidès N. A propos des armées des premiers Paléoloques et des compagnies de soldats* // TM. 1981. Vol. 8. P. 356—357, 364; *Bartusis M.C. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204—1453*. Philadelphia, 1992. P. 69, 213 etc., 240.

⁴⁶См.: MM IV. 391—393.

⁴⁷См. Iber. A.279; K.410; P.398; V.229.

⁴⁸См. MM. IV. 256.

⁴⁹См. Вин Ю Я К вопросу о социальной структуре сельской общины в поздней Византии (XIII—XV вв.) // XVIII Международный конгресс византистов: Резюме сообщений М, 1991 Т 2 С 1224—1225.

⁵⁰Основные принципы изучения мелких земельных собственников разработал А.И Неусыхин Его опыт исследования раннесредневековой деревни, на наш взгляд, с необходимыми коррективами приложим и к Византии XI—XV вв См : Неусыхин А И Возникновение зависимого

Во многих провинциях поздней Византии зажиточных обитателей деревни называли "лучшими" и икодеспотами—"домоправителями". По своему положению они примыкали к феодальным землевладельцам, но отличались от них происхождением и социальным статусом⁵¹. Важным фактором расслоения крестьянства и усиления общественных позиций сельского жителя в поздней Византии являлась принадлежность к духовенству и воинам-стратиотам⁵². Их положение оказывалось почетным, но названные прослойки не были однородны. Среди сельского духовенства немалую долю составляли феодально-зависимые лица, равно к сторожевой и воинской службе нередко привлекались рядовые крестьяне, даже парики⁵³.

От столетия к столетию социально-экономический облик византийского села менялся. Глубокая поляризация его жителей воплотилась в сохранных актами выразительных противопоставлениях "меньшим" и "малым" "большим". Под последними, конечно, подразумевалось зажиточное крестьянство, "лучшие" и икодеспоты, влиятельные священнослужители, а также мелкие вотчинники и стратиоты. Иначе говоря, совокупность обитателей каждого села представляла собой по социальному составу сложное образование со свойственными его членам состояниями зависимости, полузависимости и полусвободы, наконец, свободы⁵⁴. Односельчан объединяло не только расположение их жилищ и земельных владений. Значительную часть жителей села связывало родство и свойство, производственные отношения и проистекающие из них отношения зависимости, подчинение органам управления и принадлежность к церковному приходу. Словом, различные категории крестьян, мелкие земельные собственники и мелкофеодалные вотчинники, приходское духовенство и даже стратиоты, будучи односельчанами, составляли единое целое — общину. Она обладала сложной социальной структурой и выступала в качестве устойчивой формы существования поздневизантийской деревни.

Одним из наилучших подтверждений сказанному является роль в жизни села традиций общинного самоуправления⁵⁵. Прежде всего, речь идет о сельском сходе, социальный состав которого на протяжении X—XV вв. резко сузился. Так, в начале XI в. на сход общины хориона Радохоста собрались "все от мала до велика"⁵⁶. А на сходе жителей хориона Дрианувена, одобравшем продажу стаки Архонтицы и распределившем среди крестьян возложенный на нее налог, присутствовали одни только "лучшие"⁵⁷. Но сход сохранил полномочия в решении поземельных споров и распределении податей. Наиболее отчетливо деятельность сельского самоуправления представлена институтами "местных старцев", "заслуживающих доверия мужей", "бла-

крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков. М., 1956. С. 21—22, 66—67, 392; *Он же Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв.* М., 1964 С. 34—37.

⁵¹Ср.: ММ. IV. 128—129, 147; VI.153, 187. *Zogr.* № VII.50.

⁵²Ср. Фержанчић Б. Оглед с парохијском свештенству у поздној Византији // ЗРВИ 1983 Т. 22. С. 81 и след.; *Idem.* Quelques significations du mot stratiote dans les cartes de Basse Byzance // *Ibid.* 1982. Т. 21. Р. 95—102; *Bartusis M.C.* The Late Byzantine Army... Р. 365.

⁵³См. Грчке пов. № 21.5—7, 18—24, 34—39.

⁵⁴Ср. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 185 и след.; *Bryer A.* Rural Society... Р. 154; *Idem.* The Estates of the Empire of Trebizond // АП. 1979. N. 35. Р. 414.

⁵⁵См.: Вин Ю.Я. Эволюция органов самоуправления сельской общины и формирование вотчинной администрации в поздней Византии // ВВ. 1982. Т. 43. С. 201—218.

⁵⁶См.: Lavra I. N 14.4—12.

⁵⁷См.: ММ. IV. 391—392, 397—398.

городных мужей", "старцев". Они располагали значительными правами в сфере регулирования поземельных отношений и коллективных податных обязанностей жителей села. Традиции сельского самоуправления закреплялись в организации поместного управления и нормах проведения "земельного суда"⁵⁸. В его основе лежат элементы "божьего суда", иначе — ставродиабасии — обход границ земельного участка с принесением клятв, который в редуцированной форме продолжал существовать⁵⁹. Примечательна также роль общинных традиций в социальных движениях поздней Византии. Закономерной признана нерасторжимая связь народных выступлений в городе и деревне⁶⁰. Крестьяне принимали активное участие в городских волнениях, которые в первой половине XIV в. вызвали эхо крестьянских возмущений в селах Македонии и Фракии. Однако движение крестьянства, задавленное злоупотреблениями чиновников и засильем господ, было захлестнуто волной турецкого завоевания⁶¹. Широкая масса сельских жителей оставалась инертна. И все же крестьянство не было лишено собственной социально-политической активности и поздней Византии известны самостоятельные выступления крестьян Вифинии близ Никеи 1262 г. и родопских болгар и влахов 1340-х годов во главе с Момчилом. Можно предполагать, что повстанцы опирались на общинные формы организации. Особо яркое выражение они получали в локальных выступлениях крестьян. Родственные начала, принципы круговой поруки и взаимопомощи, сельского самоуправления придавали антисеньориальному сопротивлению крестьянства сплоченность и организованность, стойкость и целенаправленность. Они запечатлены и в рассказе Пахимера о вифинском восстании⁶², и в документальных материалах о сопротивлении Лемвиотисскому монастырю общины хориона Приновари⁶³.

Оценивая уровень развития сельской общины в поздней Византии, было бы неправильно умолчать о значении общинных традиций для формирования духовного и культурного облика сельских жителей, в частности их коллективного самосознания. Оно, как известно, складывается благодаря традициям производственных отношений, в первую очередь в сфере землепользования⁶⁴. В поздневизантийской деревне укореняется в качестве нормы обычного права порядок, по которому владельческие права крестьян на их земельные участки определялись давностью лет держания. Эта традиция прочно утвердилась в сознании крестьянства, сохранялась и в условиях феодальной зависимости. А право близости, или "плисиазма" побуждало рядовых обитателей сел самочинно завладевать и возделывать хорафии соседних монастырей. Оно, по всей видимости, порождало в сознании крестьянства реминисценции права пользования земельными наделами соседей⁶⁵.

⁵⁸Schatz. N 34.18—19; MM.IV. 154.

⁵⁹См. Chom. ПА'. 353; Kast. N 3.77—79; Chil. N 9.4—7; N 128.16—19; Esph. Appendice E. 12—20; MM. IV. 42, 147—148, 180, 229—230, 279—281; Metéor. N 18.48—50, 95—96. Также см.: Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952. С. 89.

⁶⁰Каждан А.П. Аграрные отношения. . С. 183.

⁶¹Ср. Сюзюмов М.Я. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. // ВВ Т. 28 С. 36; Matscke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. B., 1971. S. 246—247.

⁶²См. Pachymeres III.12 / Ed. A. Failler. Vol. I. P. 259—265.

⁶³См. MM. IV. 187—189, 225, 256—257, 257—258, 259—260. Об их датировке см. Ahrweiler H. L'Histoire et la géographie de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317) particulièrement au XIIIe siècle // TM. 1965. Vol. I. P. 153—154.

⁶⁴См. Вин Ю.Я. Право. . С. 228.

⁶⁵См.: История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. I. С. 596, 597, 610 и след.

Неразделенность хозяйствования малых индивидуальных семей, объединенных патронимическими связями, общинный выпас стада, совместная уплата части общинных податей, несение караульной службы цементировали коллективизм жителей села, их круговую поруку. Она опосредовала распределение податей между членами общины "по силам каждого" и общинные формы регулирования продаж, обмеров и межевания земельных участков. Об уровне самосознания жителей поздневизантийской деревни говорят также нормы "божьего суда" и ордалий, сохранившиеся, правда, в преобразованной воздействием христианской идеологии форме⁶⁶.

Среди идейных посылок становления коллективного самосознания членов общины следует назвать восприятие конфессионального единства в рамках церковного прихода. Косвенным образом оно засвидетельствовано рассказом Димитрия Хоматиана о влахах, родители которых обосновались в хорионе Хотеахобо. Как и родители, так и их дети на протяжении 15 лет посещали местную церковь, соблюдая установленную обрядность⁶⁷. Отчасти осознание единства выражалось в сооружении сельскими жителями приходских храмов. Примерами могут являться морейские хорионы Кипула и Полемиа, где во второй половине XIII в. благодаря рвению односельчан были воздвигнуты скромные по архитектуре храмы. Во главе прихожан хориона Кипула находилось местное духовенство, включая иерея Иораса и его сына анагноста Илью⁶⁸. Жители хориона Полемиа выступали под эгидой кира Георгия Патели — собственника и наследника селения. Он проживал в отдаленном регионе страны, а прихожан возглавляли местные иереи и анагност⁶⁹. Равно сказывались и пережитки язычества. Они, безусловно, содействовали росту социальной активности общинного крестьянства. Доказательством служат сведения Димитрия Хоматиана о распространении в селах хоры Молиску русалий или брумалий, участники которых по отношению к местным монахам действовали агрессивно⁷⁰.

Проявлениями высшего уровня развития корпоративного самосознания членов общины наполнена социальная борьба сельского населения поздней Византии. Для социальных движений этой эпохи закономерны идеи монархизма и религиозно-еретическая окраска. Вместе с тем, выступления крестьян легко приобретали коллективистские формы и осуществлялись очевидным образом осознанно. Скажем, конфликт жителей Вари с Лембружисским монастырем носил заведомо организованный характер, обнаруживавший сознательное стремление общинников к его обострению. Старожилы Вари не только не платили податей сами, но и запрещали это делать "пришедшим с чужбины и здесь осевшим" крестьянам⁷¹. Констатируя коллективизм и зарождение зачатков социального самосознания в среде поздневизантийского крестьянства, уровень их развития в значительной мере можно обусловить степенью сохранения сельской общины, ее обычаев и традиций.

⁶⁶ См. Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия. быт и нравы Свердловск, 1989. С. 259

⁶⁷ См. Chom. N 80. 341—343, 349. Также см.: Снегаров И. История на охридската архиепископия София, 1924. Т. I. С. 245.

⁶⁸ См. Pélop. N 55.2—12.

⁶⁹ См.: Ibid. N 57.2—10, 12, 13—25.

⁷⁰ См. Chom. PK'. 509—512. Также см.: Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия. С. 224, Снегаров И. История. С. 254—255; Κουκουλές Φ. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμός. Ἐν Ἀθηνáις, 1948. Т. В, т. 1. Σ. 29—30.

⁷¹ См.: MM IV. 255—256. Cp.: Dölger F., Wirt P. Regesten III. N 2004a.

Итак, суммированные в очерке наблюдения над общинными связями и традициями сельского населения поздней Византии побуждают к позитивному решению проблемы существования сельской общины в византийской деревне рассматриваемой эпохи. Наряду с тем, изученные сведения наравне с данными об общинном институте других стран позволяют видеть в средневековой сельской общине организацию жителей деревни, объединяющую их на основе родства, свойства и соседства для регулирования социально-экономических, культурно-бытовых, идейно-религиозных отношений своих членов благодаря формированию между ними психологической общности⁷².

⁷²См. Вин Ю.Я. [Рец.] // ВИ. 1994. № 1. С. 184—186. Рец. на кн.: Л. Женико *Сельские общины в Западной Европе в период средневековья*